

Окраины России: этносы, конфессии, правовое регулирование

© 2012 г. Е. И. КОБАХИДЗЕ *

ИНТЕГРАЦИЯ ОСЕТИИ В СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Российская империя по многим характеристикам представляла собой сложнейшее социальное образование, ярко выраженная мозаичность которого, обусловленная сосуществованием в единых территориальных границах самых разнообразных моделей социокультурной и политической организации общественных систем, требовала гибкого и одновременно эффективного подхода к решению главной государственной задачи – сохранения единства и целостности страны. В разных частях государства в каждом конкретном случае эта задача решалась по-разному, однако едва ли не важнейшей доминантой политики Петербурга была ориентация на интеграцию разнородного населения в общеимперском пространстве – территориально-административном, социально-политическом и в определенной мере хозяйственно-экономическом. Присоединение к России новых земель сопровождалось формированием государственно-административной системы, в рамках которой каждый из окраинных народов России приобретал свой собственный, во многом уникальный опыт вхождения в «государственность».

Осетия в силу целого ряда обстоятельств стала своеобразным полигоном для апробации различных методов интеграции горцев. Это было обусловлено тем, что осетинские общества находились в стороне от главных событий Кавказской войны и их элита в основном демонстрировала лояльность российской администрации. В то же время конфессиональная принадлежность большинства осетин рассматривалась как важный интегрирующий фактор, а готовность жителей горных местностей к переселению на равнинные земли являлась одной из форм внеполитического влияния властей на местное общество.

На Центральном Кавказе принципы государственного управления тесно переплетались с особенностями хозяйственно-политического развития местных социумов. «Не единою силою оружия предлежит побеждать народы в неприступных горах живущие и имеющие надежные в оных от наших войск убежища, но паче правосудием и справедливостию нужно приобрести их к себе доверенность, кротостью смягчать нравы, выигрывать сердца и приучать их более обращаться с русскими», – наставляла Екатерина II И.В. Гудовича 28 февраля 1792 г.¹ О том же полвека спустя, в 1842 г., писал А.И. Нейдгардту Николай I: «Покорение следует исполнить не одним оружием, напротив того, действовать осторожно, неторопливо и так, чтоб куда достигнем, оттоль не возвращаться, не став твердой ногой»². Конкретные административные решения на этом пути зачастую являлись результатом сочетания и борьбы противоположных взглядов на кавказскую политику – регионализма, порой граничившего с романтикой, и централизма, отражавшего сугубо прагматическое отношение правительства к региону.

* **Кобахидзе Елена Исааковна**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абасева Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северная Осетия – Алания.

Административное переустройство горского села изначально составляло предмет особого внимания кавказских властей, однако долго обходилось без законодательно-правового оформления. Вмешательство в повседневную жизнь горцев носило преимущественно ситуативный характер и поначалу ограничивалось судом и полицейским надзором со стороны ближайших «кордонных начальников» – комендантов укреплений Кавказской военной линии, выстроенных в предгорной зоне и вдоль Военно-Грузинской дороги. Нередко и сами жители, как в горах, так и в новых равнинных селах, образованных в ходе переселенческого движения, обращались к представителям российской власти с просьбой о разбирательстве их «дел и жалоб»³, подчас неразрешимых в рамках обычно-правового регулирования внутриобщинных взаимоотношений в связи с изменившимися условиями хозяйствования и землепользования. Апелляция к авторитету российской власти в этих случаях основывалась на ее восприятии в соответствии с традиционными понятиями о старшинстве⁴ и легитимировала вмешательство официальных российских властей во внутреннюю жизнь сельских обществ в категориях третейского разбирательства.

В Петербурге поначалу исходили из необходимости «мягкого» административного воздействия на население Кавказа и достаточно осторожно приглядывались к местным условиям. В составленном 30 сентября 1800 г. наставлении главному приставу горских народов коллежскому советнику Макарову Коллегия иностранных дел признавала право «азиатских народов» как подданных императора «наравне с прочими россиянами требовать нужной себе защиты и ограждения законами»⁵. Приставу надлежало «личным обращением... и правдивыми поступками... снискивать всякую от них (горских народов. – *Е.К.*) доверенность и любовь и по возможности удалаться от причин, повод к ненависти и остуде подающих..., следовательно никаких обид, огорчений и насилия отнюдь никому не чинить, взяток не брать и других к тому не допускать, под опасением суда и законного взыскания»⁶. В столице прекрасно осознавали, что невмешательство в общественный и хозяйственный быт горцев – единственный путь, позволяющий добиться спокойствия и «благонамеренности» с их стороны⁷. Неприкосновенность их общественной жизни обеспечивали и принципы вассалитета, на которых изначально строились российско-сеveroкавказские отношения⁸. Первые проекты организации управления в регионе демонстрировали попытку адаптировать принципы имперской администрации к привычному жизнеустройству горских обществ, представляя собой довольно причудливое переплетение формально-бюрократических норм с местными обычаями.

Еще П.Д. Цицианов, будучи «главноуправляющим Грузиею и пограничными Кавказского края делами, Астраханским и Кавказским военным губернатором», первым из кавказских администраторов сформулировал долгосрочную программу политико-административного подчинения Северного Кавказа, учитывавшую как специфику общественного устройства кавказских народов, так и их традиционную юридическую практику и конфессиональные предпочтения. Готовность считаться с ними должна была, по его убеждению, свести к минимуму недовольство Россией и облегчить впоследствии управление беспокойным регионом⁹. В марте 1804 г., размышляя во всеподданнейшем рапорте об управлении Кабардой, Цицианов утверждал, что «введением в Кабарду роскоши» можно добиться «сближения с российскими нравами», и предлагал изменить всю систему «воспитания юношей», предоставив им возможность получать образование в российских учебных заведениях¹⁰.

Местную специфику старался учитывать и А.П. Ермолов. Уже в ноябре 1816 г., т.е. практически сразу же после назначения на должность главнокомандующего на Кавказе, командира Отдельного Грузинского (с 1820 г. – Кавказского) корпуса и управляющего гражданской частью в Грузии, Кавказской и Астраханской губерниях, он составил программу административного переустройства Осетии. Спешка была вызвана «необходимостью обуздания осетин» и «воздержания» их «от шалостей». При этом разработанный план волостного управления¹¹ рассматривался Ермоловым как начальный, «подготовительный» этап окончательного подчинения Осетии, в ходе которого

горцы должны были приобрести навыки повиновения российской власти. Вместе с тем волостные управы, которые предлагалось создать в Осетии, по форме сохраняли внешние признаки традиционных институтов самоуправления осетин – народного собрания и советов старейшин. Однако их полномочия значительно сокращались, поскольку взаимоотношения между селениями регулировались непосредственно «военным начальником», который должен был возглавлять волостную управу, представляя российскую администрацию и находясь в подчинении командующего на Кавказской линии. «Военный начальник» получал право вмешиваться в гражданские дела общины в случае, если решение старейшин представлялось ему неправомерным, а также мог вести разбирательство по «делам уголовным», ограничивая тем самым сферу компетенции посреднического суда. Проект Ермолова стал пробным шагом на пути формирования низовых звеньев государственно-административного аппарата Осетии. В последующие десятилетия кавказские власти предпринимали спонтанные попытки упорядочения общинного быта горцев, но достичь успеха в этом направлении мешали военные действия на Северном Кавказе¹².

Ситуация кардинально изменилась к концу 1850-х гг. Близившееся окончание Кавказской войны изменило соотношение сил в регионе. Александр II считал, что для России на Северном Кавказе настало время «мирных результатов», когда остается лишь «упрочить наше владычество: 1) введением сколько возможно правильной и справедливой администрации во вновь покоренных племенах, 2) прочным укреплением важнейших пунктов стратегических и 3) проложением надежных и во всякое время удобных путей сообщения»¹³. Упразднение Кавказской военной линии, произведенное кавказским наместником кн. А.И. Барятинским в конце 1850-х гг.¹⁴, подтвердило прочность российских позиций в регионе, а последующие территориально-административные преобразования должны были способствовать реализации «полной системы экономических мер для устройства народного благосостояния»¹⁵. По мнению Барятинского, «устройство окончательного управления горскими племенами» становилось «краеугольным камнем русского владычества на Кавказе»¹⁶.

«Устройство окончательного управления» подразумевало введение в горских обществах новых организационных форм. Уже в «Инструкции для окружных начальников» 1860 г. специальный раздел посвящался учреждению местной администрации в аулах, где ее должны были представлять старшина и его помощники – десятские (по одному на каждые 50 дворов). Старшине, которого следовало выбирать «из почетных людей», поручалось исполнение полицейских обязанностей с правом наказывать провинившихся арестом до пяти дней (для этого в каждом селе предусматривалось устройство «особливой караульни»). Содержание сельской администрации натурой или деньгами предоставлялось самому обществу, однако его размер определялся начальником округа и утверждался командующим войсками¹⁷. «Затем сельское управление учреждается в округах на основании особых положений, которые для сего имеют быть составлены», – указывалось в «Положении об управлении Терской областью» 1862 г.¹⁸ «Положение» предполагало разработку в ближайшем будущем большого числа особых инструкций, правил и постановлений об управлении «туземными племенами», о порядке сельского управления, о деятельности народных судов и т.п. Именно путь постепенной административной регламентации представлялся тогда наиболее целесообразным¹⁹, «подготавливая», по словам самих администраторов, горцев к безболезненному принятию нововведений, чуждых укладу их жизни.

Вместе с тем поспешность, с которой правительство законодательно оформило общий порядок управления в Терской области, свидетельствовала о желании Петербурга как можно скорее утвердить российское присутствие в регионе и снять, наконец, с повестки дня вопрос о существовании русской власти, «для горцев еще не вполне решенный»²⁰. Несмотря на официальное провозглашение окончания Кавказской войны, местные власти вынуждены были действовать достаточно осторожно, поскольку, как указывал в декабре 1866 г. в докладной записке главнокомандующему Кавказской армией начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов, «горские племена Кавказа еще

не искренне примирились с мыслью о полной покорности русской власти». «Трудно, — полагал он, — и едва ли можно допустить, чтобы одновременное восстание охватило все туземное население восточного Кавказа: развитие богатства в некоторых местностях, в особенности в приморской части Дагестана и плоскостной части Терской области, по всей вероятности, не даст населению этих частей края увлечься общим порывом, но тем не менее отдельные и серьезные вспышки всегда возможны, и нередко могут быть вызваны приведением в исполнение вполне справедливых и необходимых преобразований в быте туземного населения»²¹.

Предусмотренные в 1862 г. «особые положения» были подготовлены лишь к концу десятилетия, когда, по мнению нового наместника вел. кн. Михаила Николаевича, «дело гражданского развития некоторых горских населений» продвинулось настолько, что стало возможным «подчинить их общим с русским населением гражданским административным учреждениям»²². Значительным шагом на этом пути стало введение в сентябре 1870 г. «Положения о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области»²³. Его появлению предшествовало несколько лет подготовительной работы в каждом из округов Терской области и изучение опыта применения взятого за основу «Положения о сельских управлениях в Закавказских губерниях»²⁴. Составление «Положения» было тесно связано с разрешением «крайне важного дела освобождения зависимых сословий» Кавказа и повышением эффективности участкового управления²⁵. Бесконечные административные реформы, проводившиеся в регионе с конца 1850-х гг., почти не касались низовых структур. Между тем сложившаяся после 1862 г. система, предусматривавшая соединение в руках участкового начальника судебной и административной власти, отличалась «неудобством», а участковые суды — «крайней несостоятельностью»²⁶. По свидетельству Лорис-Меликова, приславшего по поручению наместника свое заключение, существовавшие сельские управления, «не имея никакой определенной организации, ...почти бездействуют и потеряли всякое значение в глазах народа, в особенности аульные суды; поэтому введение новых сельских управлений, составляя... первый шаг туземцев к некоторому самоуправлению, требует большого внимания и трудов со стороны местной администрации, под непосредственным и бдительным руководством которой эти учреждения должны вводиться»²⁷.

В Петербурге проект «Положения», разработанный для Терской и Кубанской областей, обсуждался в Главном комитете об устройстве сельского состояния и Государственном совете. Однако он так и не был утвержден императором²⁸. 30 декабря 1869 г. был издан указ Правительствующему Сенату «О преобразовании административных учреждений в Кубанской и Терской областях». «В видах надлежащего устройства аульных обществ горского населения Кубанской и Терской областей и общественного их управления» указ предоставлял наместнику право «применять к ним постепенно те правила общего положения 19 февраля 1861 года (36657), которые окажутся соответствующими обычаям и нравам означенного населения». «Впоследствии же, когда опытом дознаны будут главные начала, имеющие служить основанием общественного их устройства», следовало вновь «представить проект относящихся до сего предмета правил» на усмотрение императора²⁹.

Поначалу по распоряжению наместника «Положение» вводилось только в Георгиевском (позже — Нальчикском), Владикавказском и Хасав-Юртовском округах, причем ожидалось, что через 2 года ему будут представлены предложения относительно необходимости изменения или окончательного утверждения «Положения» в законодательном порядке. Однако их так и не поступило, и «Положение» в редакции 1870 г. действовало до начала 1890-х гг., пока начальник Владикавказского округа не возбудил ходатайство о его пересмотре и расширении прав представителей сельской администрации. Как сообщалось в отчете начальника Терской области С.В. Каханова, «по этому поводу были запрошены начальники всех остальных округов и атаман Сунженского отдела, а в то же время Командующий войсками округа просил (21 апреля 1892 г. № 6328) выработать проект положения об аульных обществах применительно

к положению об общественном управлении станиц казачьих войск 3 июня 1891 года, с необходимыми изменениями последнего в зависимости от особенностей туземных обычаев, и представить этот проект на утверждение в законодательном порядке»³⁰.

Согласно «Положению» 1870 г. аулы должны были управляться «по типу сельских мест метрополии»³¹. Однако российской власти необходимо было иметь «надежных людей» в горской среде³². Поэтому в то время как казаки свободно выбирали из своей среды станичных атаманов или сельских старост, аульные старшины назначались на определенный срок начальником округа по представлению сельского схода и подчинялись участковому управлению³³. При этом «все должностные лица сельских управлений, как то: сельские старшины, их помощники, доверенные, судьи и сборщики податей (казначей), рассыльные, лесные и полевые сторожа, смотрители канав» были «освобождены с семействами своими, числящимися в одном с ними дворе, от всяких натуральных повинностей», за исключением подымной подати³⁴. Это ставило представителей сельской администрации в исключительное положение по отношению к соседям, искусственно возвышало их социальный статус и общественный вес. Неудивительно, что старшины вели себя вызывающе, активно использовали свои должностные полномочия и зачастую откровенно злоупотребляли ими, прибегая к рукоприкладству и действуя в обход сельского суда³⁵. Все это лишь усугубляло отрицательное отношение общинников к новым управленческим структурам³⁶, которые не воспринимались горцами как «законные»³⁷. К тому же аульными старшинами зачастую назначали людей молодых и не пользовавшихся общественным почтением³⁸, что не соответствовало традиционным представлениям об авторитете, либо «посторонних лиц – русских, которые, не зная наших бы обычаев, ни народного быта осетин, не входят сочувственно в наше положение, а также не знают расположения нашей юртогово-общественной земли, через что нередко возникают недоразумения»³⁹. В результате в своих протестных выступлениях горцы часто требовали предоставить им право выбора аульного старшины из своей среды.

Стремление российской администрации к упорядочению общинной жизни и установлению «правильного сельского строя»⁴⁰ привело также к закреплению принципа круговой поруки и «ответственности массы», поскольку при широко распространенном и «прочно организованном укрывательстве» сугубо личная ответственность означала бы «полное бессилие власти»⁴¹. К тому же «беспорядочный и произвольный переход» населения из одного села в другое, по мнению правительственных чиновников, не только предоставлял «кочующему населению» возможность «уклоняться от правильного счисления и обложения соответствующими государственными и общественными повинностями», но и стеснял в правах землепользования коренных жителей, так как крестьяне обеспечивались земельными участками лишь в месте постоянной оседлости⁴².

Таким образом, пореформенная горская сельская община оказалась механически сконструированным социальным образованием, управление которым строилось по образцу крестьянского управления Центральной России. Из самодостаточного хозяйственно-территориального объединения с собственной системой самоуправления горская сельская община трансформировалась в территориально-административную единицу – село. Передача сельской администрации хозяйственно-распорядительных полномочий бывшей общины, исполнявшихся ранее коллективным органом самоуправления – ныхасом, привела к тому, что организационно-управленческие функции были выделены в особую сферу профессиональной деятельности, регламентируемой и контролируемой государством.

Соответствующие изменения происходили и в устройстве судебной части на северокавказской окраине. Судебная сфера изначально являлась основным каналом проникновения государственно-административных методов управления в общественный быт народов региона. Первый опыт распространения российских законов в местной среде был связан с учреждением Моздокского Верхнего пограничного суда в 1793 г.⁴³ К его юрисдикции были отнесены уголовные преступления, совершавшиеся предста-

вителями нерусского населения Моздока и его окрестностей, а также «тяжебные и жалобные дела как между кабардинцами и не записавшимися по городовому положению армянами, грузинами, тож татарами разных родов на Линии живущими около Белых гор и впереди оных... осетинцами и другими горскими Затерскими народами, тож между самими сих народов людьми»⁴⁴. Так, 17 июня 1797 г. моздокский комендант полковник Тоганов передал в Верхний пограничный суд дело об убийстве моздокского жителя «новокрещенного осетинца Матвея Андреева» «Тагаурского уезда деревни Ламардон осетинцем Киличем Диоевым»⁴⁵. Наказание было суровым – «75 ударов, на лбу и щеках поставить указные знаки и сослать в вечную ссылку в Нерчинские заводы», причем «экзекуцию над оным Киличем Диоевым» суд постановил устроить «на месте преступления в городе Моздоке на улице подле дома осетинца Николая Христофорова, дабы всяк из живущих здесь в Моздоке разного звания из азиатских народов определенное нападение видеть мог, и чрез то поудержать из них некоторых от подобных преступлений или и других злодеяний, имели в сердцах своих страх»⁴⁶.

Вскоре и гражданские дела, решение которых ранее оставалось исключительной прерогативой традиционных институтов, перешли в ведение официальных судебно-административных инстанций. В 1828 г. был создан Владикавказский инородный суд, предназначавшийся для рассмотрения дел осетинских и ингушских обществ. Как предполагалось, он должен был функционировать на основе единых для всех судебных учреждений Северного Кавказа правил, а в разрешении гражданских дел исходить из установлений адата⁴⁷. Реорганизация в 1831 г. Владикавказского инородного суда в окружной привела к передаче в его ведение и уголовных дел⁴⁸. Но теперь во всех случаях указано было следовать правилам, изложенным в екатерининском «Учреждении о губерниях». Этот шаг, наряду с назначаемостью судей и определением их должностных полномочий, положил начало внедрению в традиционную общинную среду формально-бюрократических начал. Однако попытка утверждения у горцев «прочного... гражданского образования» провалилась⁴⁹. 27 декабря 1837 г. по настоянию главного управляющего на Кавказе барона Г.В. Розена именным указом, объявленным министерством юстиции, окружной суд был упразднен как лишняя административная единица⁵⁰. Розен прямо указывал на невозможность судопроизводства по общероссийским законам среди горцев ввиду их недостаточной «благонадежности» и неподготовленности к установлению «какого-нибудь, хотя несколько сложного, гражданского образования»⁵¹. Суд вновь стал вершиться в самих обществах в соответствии с обычным правом под надзором помощников приставов⁵².

В условиях борьбы с Шамилем укрепление позиций империи требовало совершенствования системы управления, что в свою очередь заставило более основательно ознакомиться с обычно-правовыми нормами горских обществ. В начале 1840-х гг. командование Кавказской военной линии приступило к сбору и записи адатов кавказских горцев по единой и довольно широкой программе⁵³. Автором ее стал подполковник Бибиков – адъютант главного управляющего на Кавказе Е.А. Головина, заведовавший канцелярией по управлению мирными горцами. Он полагал, что введение «между горцами русского узаконения» не только преждевременно, но и опасно, поскольку это может настроить против российской власти местную элиту⁵⁴. Составленные в 1840-х гг. сборники адатов, давшие богатейший материал по социальным отношениям у народов Северного Кавказа, предполагалось использовать как руководство для решений народных судов, учрежденных в 1847 г. и появившихся в каждом из приставств Владикавказского военного округа, что должно было несколько упорядочить существовавшее судопроизводство, зависевшее тогда «от личного расчета судей»⁵⁵. Однако вынесение окончательного судебного решения предоставлялось приставам и их помощникам на местах. Дела, казавшиеся наиболее важными, передавались коменданту Владикавказа. Такое положение сохранялось вплоть до конца 1850-х гг., когда на Северном Кавказе была упразднена система приставств и введено окружное управление⁵⁶. Подготовка и проведение аграрных и судебно-административных реформ после Кавказской войны вновь заставили вернуться к систематизации и кодификации норм

обычного права, которые власти рассчитывали со временем приспособить к законам Российской империи.

Однако уже в начале 1850-х гг. обсуждалась возможность изменить существовавшие в горских обществах правовые нормы, связанные с обычаем поминовения усопших, который был «крайне стеснителен для людей достаточных и совершенно разорителен для бедных»⁵⁷. Председатель комитета по разбору сословных и поземельных вопросов генерал-майор Вревский в своей докладной записке доказывал полезность новых правил, которым «народ охотно покорится», если они будут введены правительственным распоряжением. Их следовало «объявить всем жителям на общих сходах» под наблюдением приставов и старшин⁵⁸.

В октябре 1858 г. экзарх Грузии архиепископ Евсевий (Ильинский) обратился к командующему войсками Левого крыла Кавказской линии с просьбами «об отобрании у христиан-двоеженцев лишнего жен», а также «об отобрании у магометан, на основании положений Совета Главного управления Закавказского края от 20 марта 1852 года, христианских женщин и о приказании осетинским христианам, живущим в браке, не благословленном Церковью, обвенчаться»⁵⁹. Необходимость ограничения обычных правовых норм, воспринимавшихся как пережиток язычества, экзарх связывал с растущей опасностью исламизации населения. С его точки зрения, ряд норм шариата легко мог прижиться на местной языческой почве при отсутствии должного контроля со стороны православного духовенства. Вскоре начальник Военно-Осетинского округа полковник Мусса Кундухов получил из штаба войск Левого крыла настоятельную рекомендацию «о немедленном выполнении всех распоряжений, просимых отзывом архиепископа экзарха Грузии»⁶⁰. Несмотря на собственные колебания и разногласия по этому вопросу в участковых управлениях⁶¹, М.А. Кундухов вынужден был отрапортовать о готовности осетин «безропотно оставить навсегда соблюдаемый ими до настоящего времени обычай и сохранить на будущее время требуемый как правительством, так и догматами христианской Церкви». «Надеюсь, – обещал он в 1859 г., – до июля м[еся]ца настоящего года привести к окончательному устранению вредных для Церкви существовавших в народе обычаев»⁶². Тогда же, созвав «величайший народный сбор», Кундухов попытался добиться отмены «вредных народных обычаев» и замены их новыми ввиду несоответствия прежних адатов «духу настоящего времени»⁶³. В частности, были пересмотрены адаты, касавшиеся уголовных преступлений и некоторых аспектов гражданско-правовых отношений – левирата, брачного выкупа, наследственного права (в число наследников теперь включались женщины), поминальных расходов. С деятельностью Кундухова связано возникновение практики созыва общинных сходов, получившей широкое распространение в пореформенные десятилетия при проведении заведомо непопулярных административных решений.

В конце 1850-х гг. начались изменения и в устройстве судебной части. «Первоначальные правила для управления участками Осетинского округа» 18 сентября 1858 г. регламентировали порядок местного судопроизводства. Вместо местных народных судов учреждался окружной народный суд, помощникам окружного начальника предоставлялось в их участках право судебного разбирательства и вынесения окончательного решения по поводу «лишь немногосложных словесных жалоб» (при этом словесное разбирательство требовалось зафиксировать в специальном журнале для введения «единообразного во всех участковых управлениях» образа действий)⁶⁴.

Введение в 1862 г. «Положения об управлении Терской областью» предусматривало создание «для судебной расправы между туземцами» помимо окружных и участковых судов Главного (областного) народного суда Терской области «из почетных лиц по выбору народа»⁶⁵. Однако с открытием его никто не спешил, что с удивлением констатировал назначенный в марте 1863 г. начальником Терской области генерал-лейтенант М.Т. Лорис-Меликов. Оценивая общее положение дел в области, он отмечал, что «в области нет никаких судебных учреждений, кроме плохо устроенного городского суда во Владикавказе», и жители, «ведующиеся законами империи, число которых

весьма значительно как во Владикавказе, так и в прочих местах области», вынуждены судиться в Ставрополе и Тифлисе⁶⁶.

В апреле 1864 г. Лорис-Меликов представил кавказскому наместнику вел. кн. Михаилу Николаевичу проект устройства Главного народного суда Терской области. При этом он исходил из «полной ответственности этого учреждения как нуждам и требованиям населения, моему управлению вверенного, так и тому значению, которое желательно было бы сообщить этому учреждению в глазах народа»⁶⁷. Устроить Владикавказский областной суд предполагалось по примеру Дагестанской области, что было одобрено императором, но, несмотря на это, в Совете наместника решение вопроса затягивалось, и Лорис-Меликову пришлось просить о содействии начальника Главного управления наместника барона А.П. Николаи⁶⁸. 28 октября 1864 г. на основании Высочайшего повеления Главный народный суд Терской области, наконец, открылся, о чем было объявлено специальным приказом областного начальника⁶⁹. Между тем целый ряд его предложений относительно организации Главного народного суда воплощен не был (в том числе «подвижность местопребывания суда», т.е. последовательные заседания во Владикавказе, Грозной и Хасав-Юрте, сменяемость состава депутатов, которых следовало особо выбирать для каждого из отделов области, выбор депутатов из разных сословий). Деятельность суда должна была основываться на дополнениях к «Положению об управлении Терской областью», подготовленных в Тифлисе и утвержденных Александром II в мае 1864 г.⁷⁰

Это судебное учреждение, предназначенное для всего гражданского населения Терской области (в том числе ингушей, осетин, чеченцев, кабардинцев и кумыков⁷¹), являлось важнейшим звеном системы военно-народного управления, эффективность которого во многом зависела от быстроты принятия решений по конкретным вопросам, затрагивавшим интересы местных жителей. Поэтому в суде вводилась упрощенная процедура слушания дел, а «для туземцев Терской области» устанавливался особый порядок, при котором их дела могли разбираться как по военно-уголовным законам, так и по адату, шариату и особым правилам, «постепенно составляемым на основании опыта и развивающейся в них потребности». Границы между сферами применения тех или иных норм четко не оговаривались и фактически зависели от усмотрения командующего войсками⁷².

В 1868–1869 гг. на Северном Кавказе приступили к введению Судебных уставов 1864 г.⁷³ 1 января 1871 г. были одновременно открыты административные и полицейские учреждения в Терской и Кубанской областях, окружные суды во Владикавказе и Екатеринодаре, а также мировые суды во всех предназначенных для этого местах. При этом судебная реформа на Кавказе отличалась рядом существенных особенностей. Принцип разделения судебной и административной власти здесь практически не соблюдался, председателями окружных судов назначались начальники военных управлений (например, во главе Владикавказского окружного суда стоял военный начальник Осетинского округа)⁷⁴. Это явно нарушало принцип независимости судебной власти, включенной в систему окружного военно-народного управления. 2 марта 1876 г. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета наместнику было предоставлено право назначать участковых и почетных мировых судей⁷⁵. Отличительной чертой судебной системы на Кавказе являлось также отсутствие суда присяжных⁷⁶.

Для местного населения Кубанской и Терской областей сохранялись особые судебные учреждения. Так, на основании указа 30 декабря 1869 г. вел. кн. Михаилом Николаевичем 18 декабря 1870 г. были введены «Временные правила для горских словесных судов», распространявшиеся исключительно на горцев «впредь до полного введения Судебных уставов 20 ноября 1864 г.», в зависимости от «успеха гражданственности» в крае⁷⁷. Горские словесные суды задумывались как инструмент упорядочения судопроизводства на низовых уровнях судебной системы. В их деятельности при разбирательстве мелких дел гражданского характера практиковалось обращение к обычному праву, а также принесение очистительной присяги, соприсяжничество, не

признавались свидетельские показания женщин, допускалось примирение сторон, применялись композиционные выплаты в качестве возмещения ущерба и т.д.⁷⁸ Практически одновременно с учреждением словесных судов создавались и сельские (в Кубанской обл. – аульные) суды. В Алагиро-Наро-Мамисонском участке Осетинского округа сельские суды, заменившие участковый суд, вводились в «виде опыта» еще в 1868 г., до появления соответствующего положения (по образцу Бакинской губ.)⁷⁹. Менее чем через год после учреждения горского словесного суда – 28 октября 1871 г. – Осетия была изъята из его подсудности. Ввиду того, что большинство осетин исповедовало православную веру, на Владикавказский округ было распространено действие Судебных уставов 1864 г.⁸⁰ Тогда же в нем открылись 6 мировых участков (Владикавказский, Алагирский, Нальчикский, Пятигорский, Прохладненский, Георгиевский), где рассматривались уголовные преступления, совершенные в селах, а также поземельные тяжбы⁸¹.

Проведенными преобразованиями была достигнута некоторая степень рационализации и унификации местной юридической практики. Однако, соответствуя в целом идее укрепления единой государственной власти, новый порядок судопроизводства явно расходился с устоями горского общества, не облегчая, а, напротив, затрудняя взаимопроникновение разных правовых систем. И проблема заключалась даже не столько в принципиальном несовпадении основополагающих понятий (преступления, наказания, ответственности и проч.), сколько в противоположности мировоззренческих установок представителей традиционной сельской общины и просвещенной бюрократии. К примеру, введение принципа индивидуальной вины и ответственности коренным образом противоречило привычной «коллективной ответственности», опиравшейся на представления о значимости родственных отношений. Установление справедливости в традиционном ее понимании и поддержание мирных отношений внутри общины, являвшиеся высшей ценностью для посреднических судов, отходили на задний план в деятельности официальных судебных учреждений, защищавших прежде всего законность и интересы государства.

Между тем обычно-правовые нормы по-прежнему сохраняли свое значение в качестве организующего начала социальной жизни. Особенности традиционного правосознания практически сводили на нет «попытку привить к горским и народным судам начала русского судопроизводства»⁸², и никакие правительственные распоряжения не могли отменить местной юридической практики, не знавшей разделения противоправных поступков на гражданские и уголовные и использовавшей собственную систему наказаний помимо (а зачастую и вместо) санкции, наложенной официальным путем, по суду. В действительности случалось так, что тот, «кто отбывал наказание по закону, тот силился избежать второго наказания по обычаю», а «кто вслед за совершением преступления примирился с потерпевшим и отбывал наказание по обычаю, тот, конечно, пытался оградить себя от нового наказания по закону»⁸³. Таким образом, судебная реформа создала на Центральном Кавказе довольно громоздкую в организационном отношении систему, в которую помимо окружного входили мировые, горские, слободские, станичные и сельские суды с различной компетенцией и плохо проработанной правовой базой деятельности.

Включение осетинских обществ в административно-территориальное и гражданско-правовое поле империи вызвало существенные подвижки в их традиционном жизнеустройстве и самоорганизации. Замкнутый круг устоявшихся общественных связей был разорван стремительным вторжением новых порядков, в основе которых лежало иное мировоззрение, во многом чуждое, но принадлежавшее более сильному, не только в военном и юридическом, но и в экономическом отношениях. Недаром уже в конце 1860-х гг. вел. кн. Михаил Николаевич подметил, что горцы Кавказа находятся в переходном положении, поскольку «старые вековые основы здания их общественного порядка и быта заменяются новыми, и самое здание подвергается последовательной и, нужно сказать, несколько поспешной перестройке»⁸⁴. Но именно эта поспешность делала сомнительными все усилия кавказской администрации по «духовному» сбли-

жению двух различных миров и установлению взаимного доверия. Тот же вел. кн. Михаил Николаевич с сожалением констатировал, что на вопрос о том, есть ли доверие к власти у местного населения Кавказа, «нужно отвечать положительно, что доверия еще нет; есть только меньше, чем было прежде, недоверия»⁸⁵.

Понимая, что традиционные принципы самоорганизации продолжали существенно влиять на жизнь осетинского села, правительство шло на выборочную легализацию некоторых внешних форм и элементов общинного самоуправления. Это повышало общественную значимость проводимых преобразований и в той или иной степени укрепляло лояльность местных социумов. Так, например, признавая «целесообразными» ежегодные собрания народных представителей для обсуждения нужд населения, кавказское руководство к концу XIX в. легализовало «общественные сходы» – трансформированные народные собрания, которые были взяты под контроль областной администрации⁸⁶. Решения сельских сходов утверждались приговорами, которые «санкционировали» административные распоряжения о запрещении самовольного захвата сельскими жителями общественных земель, возведения на них построек и сноса уже построенных и т.д.⁸⁷ В январе 1888 г. осетинским населением Владикавказского округа был даже составлен и принят общественный приговор о том, что большинство из местных народных обычаев и верований «не только вредны и разорительны для народного хозяйства, но и служит важнейшим препятствием к успешному развитию народа»⁸⁸. В приговоре требовалось также восстановить в Осетии деятельность горских словесных судов «с тем, чтобы все дела, касающиеся кровомщения и вообще убийства, были изъяты из ведения окружного суда» (на этом настаивали и начальники Терской обл. А.М. Сmealов и С.В. Каханов)⁸⁹.

К «общественным приговорам» администрация прибегала также в тех случаях, когда в ее распоряжении не оказывалось больше средств для эффективной борьбы с правонарушениями. На основании общественных приговоров уже в начале 1890-х гг. самими сельчанами возбуждались ходатайства о применении к провинившимся не только денежных штрафов, но и наказания розгами⁹⁰. Приговоры сельских обществ составлялись и по поводу административной высылки «порочных членов своих» в Сибирь (подобная мера была официально введена в Терской обл. в 1893 г.)⁹¹. Однако использование в управленческой практике традиционных структур или их элементов носило все же выборочный и даже спонтанный характер. При этом не составляло секрета то, что на сходе «все дела решаются небольшою кучкою влиятельных, богатых лиц, а приговоры затем, для собрания подписей, разносятся по домам, причем за неграмотных ставятся кресты или подписывается одно и то же лицо»⁹².

В условиях российской этнической, социокультурной и конфессиональной мозаичности централизация и бюрократизация всех форм управленческой деятельности рассматривались как залог внутреннего единства и целостности страны. Формализация и рационализация управления объективно призваны были способствовать его эффективности, являясь по сути ведущими и общими тенденциями в эволюции административной системы. Формальные, стандартно действующие практики, закрепившиеся в государственной модели управления, укладывались в жестко организованную институциональную схему, что в значительной степени ограничивало реальные возможности поиска новых форм и механизмов управления на низовых уровнях административной иерархии в новых социально-политических обстоятельствах. Изменения, произошедшие в системе самоуправления горской общины, естественным образом отражали процессы институционализации управленческой деятельности государства. Тенденция к универсализации, упорядочению общеперского пространства так или иначе обнаруживала себя в практике управления северокавказской периферией, будучи по сути одним из ведущих векторов «огосударствления» и распространения здесь «начал цивилизации» в исторической динамике. В то же время базовые принципы традиционного самоуправления (коллегияльность, демократизм, внесловность, широко понимаемое старшинство) были достаточно архаичными и напрямую не соотносились с принципами государственного управления с его обезличенностью, рационализмом

и формализмом. Создание сельских обществ, формирование новой сети социальных связей наряду с бюрократизацией и формализацией управленческих механизмов не могло не сказаться на целостности традиционной социокультурной системы, оказавшейся перед необходимостью адаптироваться к изменениям, инициатором и проводником которых выступало государство.

Примечания

¹ ПСЗ-I. Т. XXIII. СПб., 1830. № 17025. С. 307.

² Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX в. Сборник документов и материалов. СПб., 2005. С. 380.

³ Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею (далее – АКАК). Т. V. Тифлис, 1873. С. 523–525.

⁴ Косвенные указания на этот счет см.: *Борисевич Кл.* Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // *Этнографическое обозрение*. М., 1899. № 1–2. С. 243; *Пахомов Д.А.* Кавказские горцы // *Покоренный Кавказ*. СПб., 1904. С. 101.

⁵ АКАК. Т. I. Тифлис, 1866. С. 727.

⁶ Там же. С. 731.

⁷ Там же. С. 411.

⁸ Там же. С. 581.

⁹ В 1816 г. адмирал Н.С. Мордвинов также доказывал необходимость учреждения в российских городах специальных школ для «воспитания молодых князей и детей старшин народных», чтобы там «находили они свои обряды и свойственные горским жителям упражнения, как то: употребление оружия, ристания на конях и другие им сродные телодвижения» (Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность... С. 267). По мысли адмирала, минимизировать материальные и людские потери на Кавказе можно было лишь «нравственным соединением» и близким знакомством горцев с российскими «понятиями, вкусами, нуждами и требованиями» (Там же. С. 266).

¹⁰ АКАК. Т. II. Тифлис, 1868. С. 952–954.

¹¹ АКАК. Т. VI. Ч. 1. Тифлис, 1874. С. 685; Материалы по истории осетинского народа. Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом. Т. II. Орджоникидзе, 1942. С. 271. Судя по тексту документа, речь в проекте идет об осетинах, переселившихся на равнину в первое десятилетие XIX в. и основавших новые села по типу казачьих поселений.

¹² АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 744–747; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность... С. 380, 382.

¹³ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность... С. 165–166.

¹⁴ ПСЗ-II. Т. XXXII. Отд. 1. СПб., 1858. № 32529. С. 987–988; АКАК. Т. V. С. 1276.

¹⁵ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1289.

¹⁶ Там же. С. 1278.

¹⁷ Там же. С. 1192–1198.

¹⁸ Там же. С. 500.

¹⁹ *Рейнке Н.М.* Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912. С. 7.

²⁰ РГИА, ф. 866, оп. 1, д. 37, л. 1 об.

²¹ Там же, д. 40, л. 10 об.–11.

²² Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. СПб., 1870. С. 119.

²³ Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (далее – НА СОИГСИ), ф. 1, оп. 1, д. 66, л. 18–19; Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1871.

²⁴ См., например: Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания (далее – ЦГА РСО–А), ф. 12, оп. 5, д. 333.

²⁵ Там же, л. 3 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 6–6 об.

²⁸ РГИА, ф. 1405, оп. 71, д. 4217, л. 3–6.

²⁹ ПСЗ-II. Т. XLIV. Отд. 2. СПб., 1873. № 47847. С. 415.

³⁰ Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1893 год. Владикавказ, 1894. С. 63. Проект

нового «Положения о сельских (аульных) обществах» разрабатывался специально созданной при Терском областном правлении комиссией, куда вошли все окружные начальники, и был принят в 1896 г. См.: ЦГА РСО–А, ф. 11, оп. 52, д. 680, л. 1–14 об.

³¹ Материалы по истории осетинского народа... Т. II. С. 32.

³² Там же. С. 313.

³³ Положение о сельских (аульных) обществах...; НА СОИГСИ, ф. 1, оп. 1, д. 66, л. 18.

³⁴ ЦГА РСО–А, ф. 11, оп. 52, д. 680, л. 11; Материалы по истории Осетии. Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. Т. III. Дзауджикау, 1950. С. 152.

³⁵ См., например: ЦГА РСО–А, ф. 11, оп. 34, д. 431, л. 1–2 об.; д. 595, л. 2–8 об.

³⁶ См.: Материалы по истории Осетии... Т. III. С. 31, 168–172, 308.

³⁷ ЦГА РСО–А, ф. 11, оп. 34, д. 435, л. 12–12 об., 34–34 об.

³⁸ Материалы по истории Осетии... Т. III. С. 167.

³⁹ Там же. С. 172.

⁴⁰ Там же. С. 28.

⁴¹ РГИА, ф. 919, оп. 2, д. 696, л. 12 об.–13.

⁴² Материалы по истории Осетии... Т. III. С. 27.

⁴³ Моздокский Верхний пограничный суд был учрежден в 1793 г. как высшая апелляционная инстанция для кабардинских родовых судов и предназначался поначалу для рассмотрения уголовных дел всего нерусского населения Кавказской губ. Но уже через год к подсудности этого учреждения были отнесены также «тяжебные и жалобные дела», возникавшие как среди кабардинцев, так и среди других народов, обитающих вблизи Кавказской военной линии, в том числе и осетин (ЦГА РСО–А, ф. 244, оп. 1, д. 555, л. 2). Верхний пограничный суд в Моздоке просуществовал до 1822 г., когда был учрежден Временный суд в Кабарде.

⁴⁴ ЦГА РСО–А, ф. 244, оп. 1, д. 555, л. 2.

⁴⁵ Там же, л. 37–44.

⁴⁶ Там же, л. 43–43 об.

⁴⁷ Подробнее см.: *Блиева З.М.* Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX века. Владикавказ, 1992. С. 84–85.

⁴⁸ АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 373–374.

⁴⁹ Там же. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 831.

⁵⁰ ПСЗ–II. Т. XII. Отд. 2. СПб., 1838. Прибавление к XI-му тому. № 9810 а. С. 130–131; РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 692, л. 8.

⁵¹ АКАК. Т. VIII. С. 831.

⁵² Административные функции бывшего Владикавказского окружного суда перешли к специально созданной тогда же, в 1837 г., Горской канцелярии, разбиравшей не только сугубо административные вопросы, но и земельные, имущественные, арендные, дорожно-строительные, наследственные «дела азиатцев» и др. (ЦГА РСО–А, ф. 290, оп. 1, д. 106, л. 1–40). В 1856 г. дела Канцелярии по управлению мирными горцами вместе с делами Управления начальника Владикавказского военного округа были переданы в ведение Управления командующего войсками Левого крыла (Там же, л. 1).

⁵³ *Леонтович Ф.И.* Адааты кавказских горцев. Вып. I. Одесса, 1882. С. 93–94.

⁵⁴ Там же. С. 87–92.

⁵⁵ Материалы по истории осетинского народа... Т. II. С. 313.

⁵⁶ ПСЗ–II. Т. XXXII. Отд. 1. № 32541. С. 995–996.

⁵⁷ Материалы по истории осетинского народа... Т. II. С. 305–314.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ЦГА РСО–А, ф. 25, оп. 1, д. 5, л. 1–1 об.

⁶⁰ Там же, л. 9, 14.

⁶¹ В Нижне-Осетинском участке предписание начальства выполнено было незамедлительно: «Бывшие замужем за магометанами христианские девицы... отобраны и возвращены к родителям их; относительно возвращения калымов и уплаты штрафов назначен срок месячный» (Там же, л. 13). В управлении же Верхне-Осетинского участка считали, что «дело это надо предоставить времени и убеждениям священника» (Там же, л. 5–5 об.). Ссылались на местные условия и в Дигорском участке, где не спешили выполнять начальственные распоряжения (Там же, л. 45–45 об.).

⁶² Там же, л. 15–15 об.

⁶³ См.: *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. Вып. I. С. 55–62.

⁶⁴ Материалы по истории осетинского народа... Т. II. С. 237–238; НА СОИГСИ, ф. 5, оп. 1, д. 1, л. 11–12.

- ⁶⁵ ПСЗ-П. Т. XXXVII. Отд. 1. СПб., 1865. № 38326. С. 499.
- ⁶⁶ РГИА, ф. 866, оп. 1, д. 27, л. 9.
- ⁶⁷ ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 5, д. 8, л. 1–10 об.
- ⁶⁸ РГИА, ф. 866, оп. 1, д. 27, л. 9 об.–10.
- ⁶⁹ ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 1, д. 427, л. 107–109 об.
- ⁷⁰ ПСЗ-П. Т. XXXIX. Отд. 1. СПб., 1867. № 40908. С. 456–458.
- ⁷¹ ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 1, д. 427, л. 109 об.
- ⁷² ПСЗ-П. Т. XXXVII. Отд. 1. С. 500–501.
- ⁷³ Там же. Т. XLIII. Отд. 1. СПб., 1873. № 45655. С. 315–316; Т. XLIV. Отд. 2. № 47848. С. 415–416.
- ⁷⁴ Там же. Т. XLV. Отд. 2. СПб., 1874. № 48968. С. 541–543.
- ⁷⁵ Там же. Т. LI. Отд. 1. СПб., 1878. № 55651. С. 165–166.
- ⁷⁶ Там же. Т. XLIV. Отд. 2. № 47848. С. 416.
- ⁷⁷ Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // Кубанская справочная книжка на 1891 г. Екатеринодар, 1891; ПСЗ-П. Т. XLIV. Отд. 2. № 47848. С. 416; *Рейнке Н.М.* Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912. С. 8.
- ⁷⁸ *Рейнке Н.М.* Указ. соч. С. 27, 28; Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1891 год. Владикавказ, 1992. С. 85.
- ⁷⁹ ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 5, д. 319, л. 18–18 об.
- ⁸⁰ *Агишев Н.М., Бушен В.Д., Рейнке Н.М.* Материалы по обозрению Горского и народного судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 141–142.
- ⁸¹ См.: РГИА, ф. 1149, оп. 8, т. 8, д. 60; ф. 1405, оп. 542, д. 229, л. 9.
- ⁸² *Рейнке Н.М.* Указ. соч. С. 10.
- ⁸³ *Иваненко В.* Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // Русская мысль. 1904. № 5–6. С. 123.
- ⁸⁴ Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. С. 115.
- ⁸⁵ Там же. С. 117.
- ⁸⁶ См., например: РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 712.
- ⁸⁷ ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 6, д. 105, л. 2.
- ⁸⁸ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 712, л. 12.
- ⁸⁹ Там же, л. 14–14 об.; Всеподданнейший отчет Начальника Терской области... за 1891 год. С. 86.
- ⁹⁰ Всеподданнейший отчет Начальника Терской области... за 1891 год. С. 87.
- ⁹¹ Там же. С. 88.
- ⁹² *Евангулов Г.Г.* Местная реформа на Кавказе. Тифлис, 1914. С. 53.

© 2012 г. О. Ю. РЕДЬКИНА *

СТАРОВЕРЫ НИЖНЕЙ ВОЛГИ И ДОНА В КОНЦЕ XIX–XX ВЕКЕ

На протяжении ряда столетий старообрядцы были крупнейшей религиозной группой Нижней Волги и Дона. В современных исследованиях всесторонне изучен их вклад в социально-экономическое, культурное развитие Саратовско-Самарского Поволжья, взаимоотношения с местными церковными и гражданскими властями в конце XVII – начале XX в.¹ В то же время практически отсутствуют обобщающие труды по истории

* **Редькина Ольга Юрьевна**, доктор исторических наук, профессор, декан факультета философии, истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета.